

УДК 81`1

DOI: 10.18413/2313-8912-2018-4-1-13-21

Лаврищева Е. В.

**РОЛЬ ФИЗИОЛОГИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ
В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОГНИТИВНОГО ФРАГМЕНТА
«ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО»**

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина;
адрес: ул. Коммунаров, д. 28, Елец, Липецкая область, 399770 Россия
E-mail: eklav@mail.ru

Аннотация. В данной статье проводится анализ русской и немецкой соматической лексики, в том числе и в составе соматических фразеологизмов, участвующих в репрезентации когнитивного фрагмента «эмоциональное пространство». Актуальность данной проблемы обусловлена, во-первых, тем, что соматическая лексика является одним из самых важных и когнитивно значимых участков любого языка, анализ соматизмов позволяет проследить формирование и развитие когнитивного опыта человека. Во-вторых, концептуальная метафора является одним из основных способов структурирования окружающей нас действительности, при этом важная роль в этом процессе отводится антропоморфной (физиологической) метафоре. В ходе анализа языкового материала, полученного методом сплошной выборки из лексикографических источников – толковых, синонимических и фразеологических словарей, сборников пословиц, поговорок русского и немецкого языков – была выделена метафорическая модель «соматизм→дисфункция органов», как наиболее частотная и продуктивная при репрезентации рассматриваемого когнитивного фрагмента. Кроме того, были определены метафоры, конкретизирующие выделенную метафорическую модель (пространственная, температурная, метафора препятствия). В статье анализируются сходства и различия в концептуальном восприятии эмоционального пространства немцев и русских.

Ключевые слова: концептуальная метафора; антропоморфная (физиологическая) метафора; метафорическая модель; соматизм; соматические фразеологизмы; эмоциональное пространство.

**Ekaterina V.
Lavrishcheva**

**THE ROLE OF A PHYSIOLOGICAL METAPHOR
IN THE REPRESENTATION OF THE COGNITIVE
FRAGMENT «EMOTIONAL SPACE»**

Yelets State University named after I.A. Bunin, 28 Kommunarov St., Yelets,
Lipetsk region, 399770, Russian Federation
E-mail: eklav@mail.ru

Abstract. The article covers the analysis of the Russian and German somatic vocabulary, including somatic phraseological units which represent the

cognitive fragment “emotional space”. The importance of the problem is based on the fact that, firstly, somatic vocabulary is one of the most significant parts of a language in its cognitive aspect; the analysis of somatisms allows the researcher to follow the formation and development of the cognitive experience of mankind. On the other hand, the conceptual metaphor is one of the major means of structuring of our reality where an anthropomorphical (physiological) metaphor plays an important role. In the analysis of the language material obtained by the method of continuous sampling from lexicographical sources – explanatory dictionaries, dictionaries of synonyms, phrase-books, collections of Russian and German proverbs and sayings – the author identifies the metaphorical model “somatisms→organs dysfunction” as the most frequently used and the most productive in the representation of the cognitive fragment. Besides, the researcher identifies the metaphors specifying the selected metaphorical model (space, temperature, obstacle metaphor). Similarities and differences in the conceptual perception of emotional space by Russians and Germans are analysed in the article.

Key words: conceptual metaphor; anthropomorphical (physiological) metaphor; metaphorical model; somatisms; somatic phraseological units; emotional space.

На протяжении многих десятилетий ученые занимаются вопросами, каким образом кодируется и передается информация, получаемая человеком в процессе познания самого себя и окружающего его мира.

Многие ученые указывают на то, что человек предрасположен к метафорическому восприятию окружающей действительности (Лакофф, 2004: 195). К. Тилли отмечает, что вся наша привычная концептуальная система восприятия по сути своей метафорична (Tilley, 1999: 16).

Если обратиться к истории изучения метафор, то в рамках традиционной теории (Аристотель, В.В. Виноградов, В.Н. Телия, Г.В. Колшанский, Э. Кассирер и др.) метафора рассматривалась как фигура речи, но с изменением научной парадигмы процессы метафоризации стали изучать как когнитивный процесс, как операции над знаниями, которые приводили к трансформации онтологического

статуса знаний, когда «неизвестное становится известным, а известное, в свою очередь, совершенно новым») (Баранов, Караулов, 1991: 190). Концептуальная метафора – ментальная операция, способ концептуализации, категоризации, познания и объяснения мира (Лакофф, 2004: 126-170; Чудинов, Будаев, 2007: 54). Концептуальная метафора является продуктом аналоговых возможностей разума человека, помогает структурировать окружающую действительность, формирует особый взгляд на окружающую действительность, служит продуктивным средством формирования вторичных номинаций, что приводит к осмыслению сущности одной понятийной области через другую: в ее категориях и свойственных ей понятиях (Баранов, 2007: 71; Чес, 2008: 183; Чудинов, 2012: 126). Кроме того, метафора может оказывать воздействие на сознание человека, поскольку язык является средством выражения

стереотипных представлений (Зарипов, 2016: 8; Сорокина, 2014: 19).

Сходство отдельных признаков уже названной в языке и вновь называемой реалии приводит в результате метафоризации к созданию переосмысленного значения для наименования новой физически воспринимаемой реалии или явления (*подножие горы, голова сыра, спинка стула; ein Kopf Salat, das magische Auge=Rundfunk, Fuß(e) des Berges*) или для создания нового понятия в ходе его именования с помощью метафоры (Телия, 1988: 184).

Как отмечает О.И. Глазунова, метафоры используются как средство характеристики концептуальных представлений человека об окружающей его действительности, при этом используется терминология других представлений, если отсутствует возможность выразить их иным образом. Метафорически переосмысленные понятия пространства, движения и действия используются для репрезентации представлений о состояниях и их изменении, событиях, действиях (Глазунова, 2000: 124).

Метафорические модели выступают в языке как элементы целостной системы вербальных репрезентаций понятийно-аналоговой метафорической модели, которая фиксируется в сознании носителей языка. Данная система имеет регулярный характер, она устойчива и основывается на прочности понятийной структуры в ментальном мире человека. Именно этим объясняется универсальный характер большинства метафорических единиц (Темиргазина, 2017: 6).

Концептуальная метафора способна объединять конкретные и абстрактные понятия и превращать подобного рода сведения в новые концепты. Процесс метафоризации позволяет объединить практический и интеллектуальный опыт человека, а также все культурное достояние народа, сложившиеся в определенной культуре стереотипы и мифические представления. В процессе освоения окружающего пространства человек называет не только чувственно воспринимаемые предметы и явления. Он также с помощью языка через сопоставления, вербально-образные ассоциации и аналогии создает «вторичный» мир, в котором «опредмечиваются» непредметные, абстрактные сущности. Подобный способ освоения непредметных сущностей Н.К. Рябцева называет «принципом наглядности». Согласно этому принципу явления, не имеющие единиц измерения, получают количественную интерпретацию, имеющую аксиологический смысл, внутренний мир человека параметризуется, формируются представления о пределе и интенсивности, происходит «фразеологическое кодирование опыта» через метафоризацию, семиотизацию, символизацию (Рябцева 2005: 125-126).

В процессе познания человеком самого себя и окружающего его мира важную роль играет физиологическая метафора, сферой-источником которой является анатомия и физиология человеческого тела. Физиологическая метафора не случайно является одной из самых распространенных и продуктивных моделей. Основу всех видов метафоризации составляют ассоциативные связи в пределах человеческого опыта, с помощью

метафоры происходит формирование нового гносеологического опыта. А.П. Чудинов отмечает, что опыт, получаемый человеком в результате его непосредственного взаимодействия с окружающим миром является базовым источником знаний. При этом ученый подчеркивает, что физический опыт является диахронически первичным, именно он организует категоризацию действительности в виде простых когнитивных структур – «схем образов» (Чудинов, 2008: 144). Принцип антропоцентризма реализуется и при создании эталонов, стереотипов, и они могут выступать в качестве ориентиров при восприятии действительности. Создание эталона – это результат когнитивной деятельности человека, именно эталоны и стереотипы связывают воедино процессы восприятия и познания окружающей действительности (Телия, 1988: 197). Следует отметить, что выбор источника метафорической экспансии обусловлен универсальной способностью человека воспринимать и соизмерять все новое для него (в том числе и реально несоизмеримое) по своему образу и подобию или же по пространственно воспринимаемым объектам, с которыми человек имеет дело в практическом опыте.

Таким образом, можно говорить о том, что тело человека и части тела являются не только мерой всех вещей, но и составляют основу концептуализации внешнего и внутреннего мира человека.

Целью нашего исследования является анализ лексико-фразеологических средств вербализации когнитивного фрагмента «эмоциональное пространство» и анализ метафорических моделей,

служащих для его репрезентации в русской и немецкой языковой картине мира.

Анализ языкового материала позволяет говорить о том, что образование метафор заключается в актуализации различных концептуальных характеристик исходной понятийной области «соматизм» и их переносе в новую понятийную область – «эмоциональное пространство», при этом важную роль играет базовая метафорическая модель (далее ММ): антропоморфная (физиологическая) метафора «соматизм→дисфункция органов». Данная ММ является актуальной и продуктивной при реализации концептов «раздражение», «гнев», «злость», «ярость», «печаль», «грусть», «тоска», «уныние», «горе», «отчаяние», «страх», «удивление», «хладнокровие», «волнение», «стыд», «смущение», «радость», «счастье».

При репрезентации концептов «раздражение», «гнев», «злость», «ярость» ММ «соматизм→дисфункция органов» используется для характеристики состояния субъекта: *ihm kommt die Galle hoch* (разг.), *ihm läuft die Galle über, aus der Haut fahren; кровь бросилась в голову, жёлчь душит кого-либо/поднялась в ком-либо)*. В данных примерах ММ «соматизм→дисфункция органов» конкретизируется пространственной метафорой, при этом вопреки стереотипным представлениям, движение по направлению «верх» воспринимается негативно, поскольку приводит к нарушению нормального функционирования органов.

ММ «соматизм→дисфункция органов» реализуется в русских и немецких соматических

фразеологизмах с компонентом «желчь/Galle»: *В событиях на Болотной и на Сахарова я увидел не только справедливый протест против политики властей, но и необъяснимую желчь некоторых оппозиционных сил конкретно против Путина* (Комсомольская правда. 23.01.2013); *Natürlich spuckt nun der blaue Parteianwalt Gift und Galle, und Richter Schnizer blieb nichts anderes übrig, als sich bei seinem Präsidenten brieflich zu entschuldigen* (Die Zeit, 06.10.2016). В русском и немецком языках нашло свое отражение «наивное» представление о том, что, если человек испытывает отрицательные эмоции, в частности, гнев, желчь поступает в кровь человека в избыточных количествах.

ММ «соматизм→дисфункция органов» реализуется также и через метафору «соматизм→жара»: *j-m das Blut in den Adern sieden machen; Сердце горит, голова пылает, требует мести, а поступки достойнейшие* (В. Железников. Чучело). Традиционно теплая температура связана с положительной оценкой, а холодная воспринимается как что-то негативное. Но если температура превышает норму, происходят изменения в аксиологическом фоне, и соматические фразеологизмы репрезентируют высокую степень интенсивности проявления эмоции и передают отрицательную оценку.

В отличие от немецкого языка в русском языке ММ «соматизм→дисфункция органов» может быть конкретизирована и с помощью метафоры препятствия: объект, который послужил причиной гнева, мыслится как препятствие, помеха: *сидит в печенках* (прост.), *стоять (становиться) поперек горла*

(прост.), *стоять колом (колом, костью) в горле*.

И в русской, и в немецкой языковой картине мира зафиксировано также и внешнее проявление данной эмоции, которое может сопровождаться разными формами физиологического проявления: может измениться цвет лица, гнев может вызвать тремор и пр.: *er war grün vor Galle; weiß im Gesicht; сверкать глазами; Эва-а-а! – удивленно и даже как бы обрадовано, что подозрения ее оказались не пустыми, протянула Семеновна и вдруг подскочила на своих больных ногах, сдавленно, зайдясь от бешенства, вскрикнула и долго не в состоянии была выговорить ни слова, только трясла головой*. (В. Распутин. Живи и помни).

ММ «соматизм→дисфункция органов» используется и при репрезентации концептов «печаль», «грусть», «тоска», «уныние», «горе», «отчаяние»: *j-m blutet das Herz, j-m ist (wird) das Herz schwer, das Herz schnürt (krampft) sich j-m zusammen; сердце кровью обливается, камень на сердце, сердце перевертывается, свет померк в глазах*. И в русской, и в немецкой языковой картине мира находит свое отражение представление о нарушении нормального функционирования органов, если человек испытывает данные эмоции.

Основным способом вторичной номинации при репрезентации концепта «страх» также является ММ «соматизм→дисфункция органов». Данная эмоция приводит к нарушению физиологически важных функций организма, а именно к остановке сердца (*j-m steht das Herz still*), потере способности дышать (*j-m an die Kehle gehen, die Angst schnürte ihm die Kehle*

zu), интенсивной реакции организма (*Blut (und Wasser) schwitzen*).

В русской и немецкой языковой картине мира ММ «соматизм→дисфункция органов» может детализироваться и с помощью пространственной метафоры. Изменение анатомического расположения органов, отклонении от нормы, нарушение функционирования организма в целом и отдельных органов человеческого тела может свидетельствовать о высокой степени интенсивности испытываемой эмоции (*j-m rutschte das Herz in die Hosen* (разг., шутл.); *сердце в пятки ушло*). Психофизиологическая симптоматика *страха* реализуется в концептуальной метафоре потери устойчивости, оцепенения, неподвижности, что приводит к слабости и к потере способности двигаться вообще (*ihm brachen die Knie; Die Knie wurden weich, der Schock meldete sich zurück*. (J. Zeh. Spieltrieb); *ноги подкосились; И снова стало так страшно, что ноги подкосились, схватилась за Алешу, чтобы не упасть* (М. Шишкин. Венерин волос).

Кроме того, в состоянии страха у человека происходит понижение температуры тела, что было зафиксировано в ходе ряда физиологических экспериментов. Подобное состояние организма реализуется на концептуальном уровне через метафору «соматизм→холод»: *das Blut erstarrt (stockt, gefriert) in den Adern, die Haut schauderte ihm, die Haut schauert, es lief ihm den Rücken herunter, die Haare stehen zu Berge; мороз по коже (спине) дерет, мурашки бегают по коже, кровь стынет, мурашки бегают по телу (спине, коже); волосы*

становятся дыбом, волосы шевелятся на голове.

Концепт «удивление» реализуется и в русском, и в немецком языке также с помощью ММ «соматизм→дисфункция органов». Высокая степень проявления удивления, интенсивность данного состояния имеют, как правило, внешние проявления: *große Augen machen* (разг.), *Maul (Mund) und Nase aufsperrren, mit offenem Munde dastehen* (разг.), *den Mund aufreißen, j-m gehen die Augen hoch auf* (разг.); *смотреть (глядеть) большими глазами, глаза на лоб лезут (полезли), делать большие (круглые) глаза, открыть рот*.

При репрезентации концепта «хладнокровие» ММ «соматизм→дисфункция органов» конкретизируется метафорой холода: *immer kalt Blut und warm angezogen* (шутл.), *kaltes Blut bewahren*, ср. в рус.яз. *хладнокровие*). Данная метафора имплицитно реализуется и в соматическом фразеологизме (*nur ruhig Blut*). Обычно холод вызывает отрицательные ассоциации, но если температура превышает допустимую норму, то раскаленные предметы (чувства) могут восприниматься как опасные.

При репрезентации концепта «волнение» в русском и немецком языках также важную роль играет ММ «соматизм→дисфункция органов»: *кусок в горло не идет, ни кровинки в лице нет, лица нет, вгонять в пот;*

«Wer ist dort?»

«Ludwig Kern».

Die Stimme am Telefon schwieg einen Augenblick. «Ludwig...», sagte sie dann wie atemlos. «Du, Ludwig?»

«Ja....» Kern fühlte plötzlich sein Herz hart schlagen, als wäre es ein Hammer. «Ja, bist du es, Ruth?»; ...Der

Mann ging ein paar Schritte von der Theke weg. Kern folgte ihm. Sein Herz klopfte plötzlich wie rasen; ...Kern sah ihn erstaunt an. Und plötzlich verstand er alles. Das kräftige Weib an der Tür. – Sein Herz schlug einen Augenblick wie ein Hammer gegen seine Rippen. Er wollte aufspringen, seinen Vater nehmen, mit ihm fortrennen....;...Drei Tage später kam Steiner über die Grenze. ...Steiner war ein harter Mensch, aber als er die Grenze überquert hatte, nass von kaltem Schweiß, drehte er sich um und sagte, wie irrsinnig in die Richtung, aus der er kam, den Namen seiner Frau. (Е.М. Remarque. Liebe deinen Nächsten).

Для репрезентации концептов «стыд», «смущение» в русском и немецком языках ММ «соматизм→дисфункция органов» конкретизируется пространственной метафорой: *das Blut stand ihm in den Ohren, das Blut stieg ihm ins Gesicht (in die Wangen); кровь бросилась в лицо.* Кровь в наивной языковой картине мира получает символическое значение «носитель чувств» и под воздействием некоторых эмоций кровь начинает стремительное движение вверх. Именно поэтому наиболее продуктивным в немецких и русских СФ является образ покрасневшего лица.

Основу соматических фразеологизмов, репрезентирующих концепты «радость» и «счастье» в русском и немецком языках, также составляет ММ «соматизм→дисфункция органов», которая дополняется пространственной метафорой: *j-m lacht das Herz im Leib(e); надрывать животики (кишки) (прост.), хвататься за живот; не слышать ног под собой; Когда я увидела Менухина, который «клевал» ...чёрный рис из моей тарелки, помню,*

у меня перехватило горло от ощущения, какая я счастливая.... (С. Спивакова. Не всё). Анализ языкового материала позволяет выявить интересный факт, что изменение нормального анатомического расположения органов под влиянием данной эмоции в русском языке реализуется через движение вниз, а в немецком – вверх: *Сердце ухнуло в живот от радости. Значит, ему здесь скучно, а со мной – нет! (О. Зуева. Любишь меня, а целуешь другую); j-m geht das Herz auf.*

Таким образом, предпринятый нами анализ когнитивного фрагмента «эмоциональное пространство» с помощью соматической лексики, в том числе и в составе соматических фразеологизмов, позволяет сделать вывод о том, что наиболее частотной и продуктивной ММ является модель «соматизм→дисфункция органов». Данная ММ используется при репрезентации большинства эмоций и душевных состояний человека. ММ «соматизм→дисфункция органов» часто конкретизируются и другими метафорами:

- пространственной: при этом в отличие от стереотипных представлений движение вверх не всегда оценивается положительно, и, соответственно, движение по направлению вниз может получать положительный аксиологический статус;

- температурная: любое отклонение от нормы по шкале «тепло-холодно» оценивается, как правило, негативно;

- метафора препятствия (в русском языке): объекты, являющиеся причиной сильных эмоций, воспринимаются обыденным сознанием как преграды,

препятствия, локализующиеся в разных органах человеческого тела.

Выделенные нами ММ находят свою реализацию и в русской, и в немецкой языковой картине мира, что может указывать на единое концептуальное восприятие эмоционального пространства человека. Универсальность данных ММ можно объяснить тесной связью с физиологией. Все внешние проявления эмоций являются отражением физиологической реакции человека и их можно рассматривать как прототипические модели данного эмоционального состояния.

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликтов интересов для декларации.

Information of conflict of interests: authors have no conflicts of interests to declare.

Список литературы

1. Бабкина В.А. Физиологическая метафора как средство создания образа современной России в немецких средствах массовой информации // Научный диалог. 2017. № 3. С. 9-18. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-3-9-18.
2. Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю). М., 1991. 193 с.
3. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: Учебн. пособие. М.: Флинта; Наука, 2007. 592 с.
4. Баранов А.Н. Декрипторная теория метафоры. М.: Языки славянской культуры, 2014. 632 с.
5. Бурмакова Е.А., Маругина Н.И. Антропоморфная метафора в художественном дискурсе (на материале автобиографических рассказов В. М. Шукшина) // Научный диалог. 2015. № 3 (39). С. 29-45.
6. Глазунова О.И. Логика метафорических преобразований. СПб., 2000. 190 с.
7. Зарипов Р.И. Метафорическое моделирование образа России в современном французском политическом дискурсе М: Р. Валент, 2016. 220 с.
8. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ.; под редакцией и с предисл. А. Н. Баранова. М: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
9. Рябцева Н.К. Язык и естественный интеллект: Монография, М.: Academia, 2005. 640 с.
10. Сорокина Н.В. Национальные стереотипы в межкультурной коммуникации М.: РИОР: ИНФРА-М, 2014. 256 с.
11. Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в сознании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 173-204.
12. Темиргазина З.К. Зооморфная модель метафоризации в русской и казахской зоологической терминологии // Вестник Тамбовского университета. Серия Филологические науки и культурология. Тамбов, 2017. Т. 3. Вып. 1 (9). С. 5-9.
13. Чес Н.А. Функционирование метафорических концептов в политическом дискурсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 555. С. 183-188.
14. Чудинов А.П., Будаев Э.В. Когнитивная теория метафоры на современном этапе развития // Вопросы когнитивной лингвистики. М., 2007. № 4 (13). С. 54-57.
15. Чудинов А.П. Метафора как средство представления знаний // Межд. конгресс по когнитивной лингвистике: Сб. мат-лов. Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008. С. 143-144.
16. Чудинов А.П. Политическая лингвистика М: Флинта: Наука, 2012. 256 с.
17. Gordon J. Dialectic, Dialogue, and Transformation of the Self // Philosophy and Rhetoric. 1996. Vol. 29. No. 3. P. 259-278.
18. Gozzi R., Jr. The power of metaphor II A Review of General Semantics. 1999-2000. Vol. 56. Winter. N 4. P.380.

19. Tilley C., *Metaphor and Material Culture*. Oxford Malden, Mass Blackwell Publishers, 1999, 298 p.

References

1. Babkina, V. A. (2017), *Physiological metaphor as means of creating the image of modern Russia in German media*, Nauchny dialog, № 3, 9-18. [in Russian].

2. Barano, A. N. and Karaulov, Yu. N. (1991), *Russian political metaphor (dictionary materials)*, Moscow, Russia. [in Russian].

3. Baranov, A. N. (2007), *Lingvisticheskaya ekspertiza teksta: teoriya i praktika* [Linguistic analysis of the text: theory and practice: a study guide], Flinta; Nauka, Moscow, Russia. [in Russian].

4. Baranov, A. N. (2014), *Dekriptornaya teoriya metafory* [Descriptive theory of a metaphor], Jazyki slavyanskoy kul'tury, Moscow, Russia. [in Russian].

5. Burmakova, E. A. and Marutina, N. I. (2015), *Anthropomorphic metaphor in literary discourse (on autobiographical stories by V. M. Shukshin)*, Nauchnyy dialog, № 3 (39), 29-45. [in Russian].

6. Glazunova, O. I. (2000), *Logika metaforycheskikh preobrazovaniy* [The logic of metaphoric transformations], SPb. [in Russian].

7. Zaripov, R. I. (2016), *Metaforicheskoye modelirovaniye obraza Rossii v sovremennom frantsuzskom politicheskom diskurse* [Russia's image metaphorical modeling in modern French political discourse], R. Valent, Moscow, Russia. [in Russian].

8. Lakoff, G. and Johnson, M. (2004), *Metaphors we live by*, Editorial URSS. [in Russian].

9. Ryabtseva, N. K. (2005), *Yazyk i yestestvennyy intellekt: Monografiya* [Language and natural intelligence: a monograph], Academia, Moscow, Russia. [in Russian].

10. Sorokina, N. V. (2014), *Natsionalnyye stereotipy v mezhkulturnoy kommunikatsii* [National stereotypes in intercultural communication], RIOR: INFRA-M, Moscow, Russia. [in Russian].

11. Teliya, V. N. (1988), *Metaphorization and its role in the perception of the linguistic world image// The role of human factor in a*

language: language and world image, Nauka, Moscow, Russia. [in Russian].

12. Temirgazina, Z. K. (2017), *Zoomorphic model of metaphorization in Russian and Kazakh zoological terminology*, Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Filologicheskie nauki i kul'turologiya, Vol. 3. Vyp. 1 (9), 5-9. [in Russian].

13. Ches, N. A. (2008), *Functioning of metaphorical concepts in political discourse*. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki, № 555, 183-188. [in Russian].

14. Chudinov, A. P. and Budaev, E.V. (2007), *Contemporary approaches to cognitive metaphor theory*, Voprosy kognitivnoy lingvistiki, № 4 (13), 54-57. [in Russian].

15. Chudinov, A. P. (2008), *Metaphor as a means of representing knowledge*, Mezhd. kongress po kognitivnoy lingvistike: Sb. materialov. Tambov: TGU im. G.R. Derzhavina, 143-144. [in Russian].

16. Chudinov, A. P. (2012), *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics], Flinta: Nauka, Moscow, Russia. [in Russian].

17. Gordon, J. (1996), *Dialectic, Dialogue, and Transformation of the Self* // Philosophy and Rhetoric. Vol. 29. No. 3. 259-278.

18. Gozzi, R. (1999-2000), Jr. *The power of metaphor II A Review of General Semantics*. Vol. 56. Winter. N 4. P. 380.

19. Tilley, C. (1999), *Metaphor and Material Culture*. Oxford Malden, Mass Blackwell Publishers. 298.

Лаврищева Екатерина Владимировна, кандидат филологических наук, заведующая кафедрой романо-германских языков и перевода Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина.

Ekaterina V. Lavrishcheva, PhD in Philology, Head of Department of Romance and Germanic Languages and Translation, Yelets State University named after I.A. Bunin.